

УДК 130.2+[304.44:316.4:316.7

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-342-351

ФРЕЙМЫ ПОВСЕДНЕВНОГО ПРОКРЕАТИВНОГО ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

*Сандакова Людмила Борисовна**Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск)*

Феноменологическая традиция в социально-гуманитарном познании обращается к изучению повседневности как сферы, где складываются, апробируются и закрепляются нормы человеческого бытия. Повседневный прокреативный дискурс в этом отношении представляет особый интерес, поскольку, с одной стороны, является сферой воспроизводства человека как человека, обеспечивает творческий потенциал культуры; с другой стороны, он оказывается под массированным воздействием современных биотехнологий. Исследования в этой области сталкиваются с трудностями методологического разнообразия и междисциплинарного диалога. В данной работе осуществляется попытка структурировать современный повседневный прокреативный дискурс через выявление базовых мировоззренческих фреймов и ключевых концептуальных идей, с ними связанных. Фрейм-анализ представляется продуктивным исследовательским инструментом работы с полифоничным дискурсом в сфере прокреации, хотя исследователи в данной области к нему пока не обращались. Выделены и проинтерпретированы системы мировоззренческих фреймов: объясняющие, ценностно-нормативные и фреймы отношения. Обозначены основные содержательно-смысловые компоненты данных систем. Показана пролиферация институциональных и теоретических дискурсов в повседневный прокреативный (в виде знаниевых структур, когнитивных и ценностных установок), а также их творческая интерпретация участниками дискурса. Выдвинуто предположение, что идея ценности детства, характерная для постфигуративных (по М. Мид) типов культур, часто связана с антинатальными фреймами отношения. Появление новых социальных практик, обусловленный этим кризис объяснительных и ценностно-нормативных систем фреймов, а также их конкуренция за авторитетность в дискурсе, создают этически напряженные зоны. В качестве таковых в современном обществе выделяются практики ВРТ, репродуктивное право и семейно-ролевые отношения.

Ключевые слова: прокреация, мировоззренческие фреймы, повседневный дискурс, полифоничный дискурс, инодискурс, пронатальность, антинатальность.

FRAMES OF EVERYDAY PROCREATIVE DISCOURSE IN MODERN CULTURE

*Lyudmila B. Sandakova**Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk)*

The phenomenological tradition in humanities and social studies everyday life as a sphere where the norms of human existence are formed, tested, and consolidated. In this respect, procreative discourse is of interest because this sphere reproduces man as actor and creator of culture. In addition, this sphere is under the increased influence of modern biotechnology. Research in this field faces some difficulties associated with methodological diversity and interdisciplinary dialogue. The article attempts to structure contemporary everyday procreative discourse by identifying basic worldview frames. Frame analysis appears to be a productive research tool for dealing with polyphonic discourse in the field of procreation. The article identifies and interprets the systems of worldview frames: explanatory, axiological-normative and attitude-centered frames. The main content and semantic components of these systems are outlined in the article. The proliferation of institutional and theoretical discourses into everyday procreative discourse is shown, their creative interpretation by discourse participants is discussed. The paper puts forward an assumption that the idea of the value of childhood, character-

istic of postfigurative (according to M. Mead) types of culture, is connected with antinatal frames of attitude. Emergence of new social practices, crisis of explanatory and axiological-normative systems of frames, as well as their competition for authority in discourse, create ethically tense zones. As such, the practices of ART, reproductive law and family-role relations stand out in contemporary society.

Keywords: procreation, worldview frames, everyday discourse, polyphonic discourse, foreign discourse, pronatalism, antinatalism.

Введение

Прокреация, понимаемая как воспроизведение человека в культуре, весьма многомерная и внутренне противоречивая сфера человеческого бытия, вбирающая в себя психофизические, социальные аспекты, духовные смыслы. Разнообразные социокультурные практики прокреации не только отражают понимание человеком самого себя и своего будущего, но и заключают в себе его творческий потенциал. Поэтому наряду с теоретическими вопросами исследователи обращаются к изучению повседневных практик и к сфере индивидуальных решений, где и происходят процессы социального нормогенеза. Изучение различных аспектов прокреации, прогнозирование и управление процессами воспроизводства человека именно как человека, с учетом его творческого самоизменения, требуют удержания в исследовательской оптике всей многомерности этой сферы, ее текучести, нередуцируемости к биологическому или социальному. Дисциплинарный подход в такой ситуации методологически ограничен, а междисциплинарные проекты сталкиваются с проблематичностью общего языка и продуктивного диалога.

Общей целью данной работы в контексте обозначенной сложности является попытка структурировать современный повседневный прокреативный дискурс через выявление базовых мировоззренческих фреймов и концептуальных идей, с ними связанных. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: 1) выбрать и обосновать исследовательский инструментарий, определить информационную базу исследования; 2) выявить мировоззренческие системы фреймирования в повседневном прокреативном дискурсе; 3) апробировать эвристичность полученной модели.

Теоретическая и информационная база исследования

Дискурс — зонтичный термин, объединяющий достаточно многообразные толкования, используемые в различных дисциплинах. В нашем исследовании под дискурсом мы будем понимать, во-

первых, коммуникативное событие, в котором соотносятся текст и структура коммуникации, взаимодействия [Дейк Т.А. ван, 1978, с. 334.], во-вторых, совокупность коммуникативных событий, объединенных некоторой тематикой (в нашем случае это — прокреация) и осуществляемых на различных уровнях: теоретическом, институциональном и повседневном.

Интересующие нас повседневные прокреативные дискурсивные практики полифоничны [Тубалова И.В., 2016, с. 8], поскольку являются результатом произвольного пересечения, переплавления институциональных, теоретических и лично ориентированных дискурсов в субъективном преломлении участников дискурса¹. Хотя повседневный дискурс в рамках социолингвистического подхода противопоставляется институциональному, как имеющий принципиально открытые границы [Тубалова И.В., 2011, с. 42], он все-таки структурируется, хотя и не так определенно и жестко, как институциональный или теоретический.

Фрейм-анализ (*Framing analysis*) дает возможность вычленить структурные составляющие дискурса, некие концептуальные схемы, которые организуют сознание и обеспечивают общие системы интерпретаций, а следовательно, и состоятельность коммуникативных взаимодействий. Концепт фрейма, позволяющий структурировать социальные и языковые практики с учетом субъективно-объективного восприятия и понимания действительности, достаточно востребован в социальных и гуманитарных исследованиях, имеет множество интерпретаций. В дискурс-анализе текстов, связанных с повседневными коммуникативными практиками, чаще всего обращаются к трактовке Р. Энтмана, который понимает под фреймингом отбор и процесс выявления отличии-

¹ Идея полифоничности текста основана на его понимании как вербальной последовательности, обладающей цельностью и связностью не только за счет внутренней организации его элементов, но и за счет его включенности во внешний вербальный контекст, в результате чего как его отдельные элементы, так и текст в целом получают динамический потенциал множественной интерпретации, обеспечивающий генерацию нового смысла [Тубалова И.В., 2016, с. 8].

тельных черт воспринимаемой реальности, зафиксированных в коммуникационных текстах. Эти черты позволяют идентифицировать, интерпретировать и оценивать проблему, предлагать некоторое ее решение [Entman R., 1993]. Отличительные черты могут иметь отношение к синтаксической и/или семантической структуре текстовых сообщений, прагматике или контексту. В связи с этим можно выстраивать различные модели систем фреймов.

В нашем исследовании вычлениются мировоззренческие системы фреймов. Поскольку это метауровень по отношению к повседневным дискурсивным практикам, в работе использовался анализ вторичных текстов — материалы исследований повседневного прокреативного дискурса. Критерии для отбора теоретических материалов: научная достоверность, различие методологических подходов к рассмотрению прокреации, выход на повседневный прокреативный дискурс. В качестве первичных текстов рассматривались: 1) материалы интервью, приведенные авторами анализируемых исследований; 2) интервью, приведенные в фильме Ю. Ахметовой «Репродуктивное насилие» (2021); 3) интервью, взятые К. Милоховой и размещенные на сайте «Kloop.kg – Новости Кыргызстана» (2018); 4) материалы сайтов, предназначенных для родителей. Первичные тексты использовались с целью верификации выдвигаемых в исследовании гипотез.

Результаты, полученные в ходе исследования

Информация, используемая участником повседневного прокреативного дискурса, может иметь совершенно различные источники. Однако можно вычленить некое «общее» знание, отношение, оценочное восприятие, организованное в концептуальные «схемы интерпретации» или «первичные системы фреймов» [Гофман И., 2003, с. 81], которые можно обозначить как мировоззренческие. Базовые мировоззренческие фреймы — это достаточно устойчивые и узнаваемые в социальном взаимодействии концептуальные схемы, лежащие в основе локализации, узнавания, объяснения событий, отношения к ним и оценки. В исследовании 1) выделены объяснительные (уровень миропонимания) системы фреймов, фреймы отношения (уровень мироощущения), ценностно-нормативные (аксиологический уровень) фреймы; 2) выявлены основные содержательно-смысловые компоненты данных систем фреймов.

Анализ материалов исследования показывает, что посредством объяснительных (природные, социальные, экзистенциальные и религиозные) систем фреймов, фреймов отношения (пронатальные и антинатальные) и ценностно-нормативных фреймов создаются основные концептуальные объяснительные схемы прокреативного дискурса, как повседневного, так и институционального. В повседневный прокреативный дискурс в качестве инодискурса чаще всего включены элементы медицинского, технологического, политического, экономического, демографического, социологического, педагогического, психологического, религиозного дискурсов. Часть из них выступает в качестве институциональных (управляющих и обладающих авторитетом власти), а часть — в качестве теоретических (создающих устойчивые знаниевые структуры, когнитивные и ценностные установки). Обнаруживается, что представленность научного и технологического инодискурса в повседневных прокреативных практиках связана с модернистским типом установления связи природных и социальных систем фреймов. Появление новых социальных практик и кризис объяснительных и ценностно-нормативных систем фреймов, а также их конкуренция за авторитетность в дискурсе создают этически напряженные зоны. В качестве таковых в современном обществе выделяются практики ВРТ, репродуктивное право и семейно-ролевые отношения.

Интерпретация и обсуждение результатов исследования

Объяснительные мировоззренческие системы фреймов: природные, социальные, экзистенциальные, религиозные

Объяснительные системы фреймов связаны с идентификацией события в плане отнесения его к некоторым объяснительным моделям. Это принципиально важная составляющая любого мировоззрения. В прокреативном дискурсе мы можем вслед за И. Гофманом выделить *природные и социальные системы фреймов*. В представлении Гофмана, природные системы фреймов определяют события как не имеющие осмысленного направления и цели, никем не управляемые. Здесь нет места волеизъявлению, позитивным или негативным санкциям, господствует детерминизм. Социальные же системы фреймов предполагают участие воли, целеполагания, разумности, здесь можно «договориться, задобрить, запугать». Это «целенаправленное делание», которое непременно

но связано с социальным контролем, стандартами и коррекцией [Гофман И., 2003, с. 82]. Возможна институционализация данных систем фреймов в особом профессиональном или теоретическом знании, которое включается в повседневный дискурс как авторитетное.

Идентификация одного и того же события может осуществляться одновременно в разных системах фреймирования: рождение ребенка как биологически детерминированный процесс может быть определено как природное событие, а рождение наследника, например, или незаконнорожденного — как социальное. Уход за ребенком, с одной стороны, обусловлен природными особенностями этапа онтогенетического развития, с другой — спецификой культурных практик социализации. Такой же подход мы обнаруживаем и в связи с традиционными представлениями о семье и родстве как о базовых, естественным образом формирующихся отношениях, которые при этом имеют высокосignификационные социально организующие смыслы. Антропологи и социологи уже не первое десятилетие изучают эти сложные феномены как объединяющие биологическое и социальное измерение [Ткач О.А., 2013, с. 52].

В прокреации очевидна сложная и вариативная связь природного и социального фреймирования, требующая определенного культурного закрепления в виде ценностей, традиций, ритуалов, образцов. Их можно обозначить как культурные фреймы прокреации. В модернистской культуре определяющую роль в понимании и закреплении связи природных и социальных систем фреймов играет наука: объективированное знание о естественных закономерностях тех или иных процессов представляется инструментом целеполагающей человеческой деятельности. Этим обусловлены авторитетность научного знания и представленность научного и технологического индискурса в повседневных прокреативных практиках. Для ряда исследователей прокреации эта ситуация представляется проблемной [Беляева М.А., 2013; Сидорова Т.А. и др., 2016].

В логике нашего исследования проблематичность объяснима: там, где при столкновении или соотнесении разных типов фреймирования в культуре еще не сформировалось устойчивое отношение к событию, возникает объяснительная напряженность (Гофман остроумно заметил: «...мы допускаем необъясненное, но необъяснимое принять не можем» [Гофман И., 2003, с. 90]), которая в повседневных практиках может полу-

чить свое выражение в этическом или политическом конфликте. Что мы и обнаруживаем, например, в дискуссиях, посвященных использованию вспомогательных репродуктивных технологий и проблематизации традиционных представлений о семье и связи между родителями и детьми [Strathern M., 1992; Edwards J. et al., 1993; Голод С.И., 2012; Ткач О.А., 2013; Исупова О. и др., 2014; Тарусина Н.Н., 2020].

К обозначенным выше природным и социальным системам мировоззренческих фреймов следует добавить экзистенциальные и религиозные. В *экзистенциальных системах фреймов* события определяются как субъективно значимые переживания, связанные (воспользуемся терминологией экзистенциальной философии) с проектом самого себя в мире. В вопросах о мотивации рождения ребенка они играют едва ли не важнейшую роль. Это не просто знание о существующем и возможном, транслируемое из каких-то разной степени авторитетности источников, это та субъективная призма, которая детерминирована человеческой способностью и потребностью к самопониманию, к построению собственной идентичности. Так, например, позиция «я — мать» может быть воспринята в биологическом фрейме (я выносила и родила этого ребенка, «плоть от плоти»), в социальном фрейме (я выполняю социальную роль матери: забота, воспитание и т.д. — что-то предполагаемое для данной роли в определенной культуре), в экзистенциальном фрейме (у меня возникает новая экзистенциально переживаемая идентичность — быть матерью). В повседневном дискурсе такие способы фреймирования событийствуют, не разделяются и не рефлексировываются специальным образом. Однако поскольку они связаны с разным восприятием действительности и самого себя, то могут противоречить друг другу и обуславливать внутрилличностные конфликты (например, когда нет привязанности к ребенку, а есть только обязанности, или же, напротив, родитель привязан к ребенку, но по какой-то причине не может выполнять родительскую роль), создавать различные репродуктивные сценарии: «яже-мать», «мать», «немать», «небиологическая мать», «чайлдфри», «чайлд-хейт» [Клименко Н.С., 2020, с. 43], а в социальном взаимодействии обнаруживают серьезный конфликтный потенциал.

Категории экзистенциального фреймирования прокреативных практик насыщены аксиологически и разнообразны, поскольку здесь приобщение

к духовному наследию культуры сопряжено с индивидуальным опытом проживания. Интересным и содержательно успешным в осмыслении основных категорий родительского сознания, частично репрезентирующих экзистенциальные фреймы прокреации, представляется исследование Н.Н. Емельянова с соавт. «Семья и деторождение в России. Категории родительского сознания» [Емельянов Н.Н. и др., 2011]. На основе качественного анализа глубинных интервью группа исследователей выделяет категории «ответственность», «своя жизнь» (гл. 1–4) и «опыт детодержания» (гл. 5), аккумулирующие основные экзистенциальные переживания и опыт, связанные с рождением детей.

Категория «своя жизнь» подразумевает потребность в удержании большого спектра альтернатив и возможностей реализации себя в мире. Исследователи отмечают, что такой тип самоопределения характерен для современного состояния общества: ребенок воспринимается как «пауза» в жизни родителя или же его окончательное самоопределение, закрывающее «потенциальное многообразие возможностей» [Емельянов Н.Н. и др., 2011, с. 11–12]. Тенденция эта достаточно широко представлена в современном прокреативном дискурсе, фиксируется исследователями как антинатуралистская и связывается с социокультурными процессами индивидуализации [Van de Kaa D., 1996; Беляева М.А., 2013; Милохова К., 2018]².

Категория ответственности фиксирует важное экзистенциальное переживание, которое в прокреации может иметь различные уровни: «перед самим собой (согласование индивидуального прошлого-настоящего-будущего, ведь настоящее — сфера решений, где человек ответственен за реализацию жизненного сценария и оправдание ожиданий, за возможность использовать шанс); ответственность перед другими (Другой как часть или условие персональной идентичности); ответственность перед миром (перед тем, что есть, перед тем, что было (история), перед тем, что может

быть); ответственность перед Абсолютом (Богом, бытием)» [Сидорова Т.А. и др., 2016, с. 2]. В прокреативном дискурсе, как справедливо полагают Емельянов с соавт., категория ответственности удерживается институционально медициной и образованием.

Еще одним значимым экзистенциальным переживанием является ощущение полноценности/неполноценности в возможности рождения детей. Так, обращение к репродуктивным технологиям зачастую мотивировано именно преодолением ощущения неполноценности [Исупова О.Г. и др., 2014]. Это переживание может быть инструментом репродуктивного насилия — давления со стороны родственников, супругов [Милохова К., 2018].

В религиозных системах фреймирования все происходящее понимается как целесообразное и управляемое, но уже не человеческой волей и сознанием, а абсолютной силой, как правило, разумной и реализующей Высшее Благо. Фреймы такого типа связаны со способностью человека к трансцендентному и его стремлением к идеальному. Целесообразность трансцендентного толка трудно постижима рациональным путем, но это не исключает рационального и продуманного отношения воцерковленного человека к рождению и воспитанию детей [Емельянов Н.Н. и др., 2011, с. 32–35]. А абсолютный характер ценностных ориентиров придает устойчивость мировоззрению. Здесь тоже можно говорить о формировании институционального дискурса и его влиянии на повседневный.

В исследовании Н.Н. Емельянова с соавт. была выдвинута и рассмотрена гипотеза о пронатальном смысле православного дискурса. Воцерковленные респонденты гораздо увереннее берут на себя ответственность за рождение и воспитание более чем одного ребенка в современном обществе риска. Осознавая всю сложность современной жизни, они не демонстрируют страха. Ученые небезосновательно предполагают, что это связано со спецификой представлений о человеке, «его пути в мире, о ребенке, о Боге — личностном добре, объемлющем этот мир» [Емельянов Н.Н. и др., 2011, с. 35]. Большое значение придается и примеру других семей из сообщества прихожан.

Мировоззренческие фреймы отношения

Необходимой составляющей прокреативного дискурса являются фреймы отношения: как отно-

² Справедливости ради стоит отметить, что в последнее десятилетие ситуация начинает меняться: многие молодые люди с раннего возраста вводят своих детей в мир собственных интересов и увлечений: нередки путешествия с малышами и даже туристические походы, на многих музыкальных, театральных и спортивных площадках пользуются популярностью программы с возраста «0+», а сайты для мам и пап пестрят советами и предложениями об активном досуге с детьми различных возрастов.

ситься ко всему, что связано с воспроизводством человека именно как человека. Подчеркивая амбивалентный характер репродуктивного поведения человека, М.А. Беляева в исследовании репродуктивной культуры выделяет пронатальную и антинатальную ее подсистемы: «Пронатальная подсистема репродуктивной культуры несет в себе социокультурную регламентацию действий, направленных на рождение детей. Антинатальная — отвечает за противодействие способности продолжения рода с целью поддержания обратимой или необратимой инфертильности» [Беляева М.А., 2013, с. 17]. Прокреацию Беляева связывает исключительно с пронатальной системой. Однако в повседневном дискурсе прокреации пронатальность и антинатальность очевидным образом обнаруживают себя как асимптоты спектра отношения к процессам и событиям. Поэтому в нашем исследовании в качестве базовых систем фреймов отношения выбраны пронатальные и антинатальные: одни и те же знания, ценности, события и процессы получают разную идентификацию в случае пронатального и антинатального отношения. Рассмотрим несколько примеров.

Знание о естественных (природных) рисках процессов вынашивания и рождения ребенка может стать мотивацией для поиска «хорошей клиники», «хорошего врача», альтернативных практик ведения беременности и родовспоможения, а может — основанием для формирования различных страхов, тревог и отказа от рождения ребенка, особенно часто в случае, когда в семье уже есть один ребенок. Много споров в этом отношении вызывают вспомогательные репродуктивные технологии. Суррогатное материнство — показательный пример того, как в различных контекстах эта технология может быть воспринята как пронатальная или антинатальная. Если обращение к суррогатному материнству обусловлено медицинской (природной) невозможностью самостоятельно выносить и родить ребенка, то суррогатное материнство определяется как помощь, т.е. пронатально фреймируется. Если же обращение к технологии имеет своей причиной нежелание, неготовность женщины проходить данный путь самой, а «ребенок нужен», «хочется», то фрейминг ситуации антинатален: можно говорить о расщеплении материнства, ставить вопросы о разрушении ценностных оснований прокреации.

Понимание того, что *ребенок предполагает ответственность*, в случае пронатального отношения связано с готовностью и желанием взять на

себя эту ответственность и обуславливает реализацию культурных практик обеспечения прокреации (поиск и применение авторитетного знания о рождении, вынашивании, уходе и воспитании, аккумуляция необходимых для обеспечения будущего ребенка ресурсов и т.д.). В случае антинатального отношения то же самое чувство ответственности может стать причиной множества легальных и нелегальных практик поддержания инфертильности и основанием для проблематизации репродуктивной автономии, прокреативных предпочтений и т.п.

«Опыт детодержания», который Н.Н. Емельянов с соавт. рассматривают в контексте вопросов формирования мотивации рождения детей, тоже может быть реализован как пронатально (*нас было много в семье, я тоже хочу много детей*), так и антинатально (*нас было много, всем внимания и любви не хватало, не хочу, чтобы мой ребенок был обделен*) [Емельянов Н.Н. и др., 2011, с. 106–128].

Пронатальные и антинатальные системы фреймов имеют сложную и многомерную природу, которая не объясняется только эмоциональным отношением к детям. Кажется парадоксальным, но идея ценности детства, характерная для постфигуративных (по М. Мид) типов культур, часто связана с антинатальными фреймами отношения: если не можешь гарантировать благополучную во всех отношениях жизнь и безопасность ребенка, нужно отказаться от его рождения. В плане выражения в пронатальном фреймировании воспроизводятся такие чувства и переживания, как любовь, забота, умиление, желание *«рождения родного человечка»*, продолжение себя, обретение смысла, в антинатальном озвучивается ощущение ответственности, которую не хотят или не могут на себя брать, страх неведения (*непонятно, как с ним обходиться*), ощущение отказа от себя (*«не смогу делать то, что люблю/хочу», «не успею сделать карьеру»*) или чувство, что *«завести ребенка всегда успеется»*.

Ценностно-нормативные фреймы

Ценностно-нормативный фрейм — это достаточно определенная, но при этом часто нерелексивная оценочная идентификация события, процесса, состояния как нормального — не нормального, хорошего — плохого — нейтрального. Ценностно-нормативные фреймы представляют собой сложную обусловленность социального, экзистенциального и трансцендентного и имеют большое

мировоззренческое значение. Именно поэтому они часто транслируются в институциональном дискурсе, являются объектом для идеологических манипуляций, а также для бурных этических и политических дискуссий.

Отечественный культуролог М.А. Беляева выделяет ряд ценностей репродуктивной культуры, которые обнаруживаются как в повседневном прокреативном дискурсе, так и в институциональных нормах, связанных с регуляцией прокреативного поведения: 1) витальные ценности: жизнь, здоровье, безопасность; 2) социальные: семья, дети, родительство, свобода; 3) духовные: чувство любви, долга, ответственности перед природой, обществом, собой; 4) эстетические: красота, гармония [Беляева М.А., 2013, с. 17]. Обратим внимание на проблематичные в современной культуре ценностно-нормативные фреймы.

Ключевой витальной ценностью является жизнь, которая подразумевается как благо, поэтому ее защита и сохранение признается важнейшей моральной нормой. Однако сегодня все чаще поднимается вопрос о том, безусловное ли это благо и благо ли вообще. Так, например, Р. Вайнберг [Weinberg R., 2016] обосновывает идеи, которые приобретают характер ценностно-нормативных фреймов, входящих в прокреативный дискурс повседневности: решение о рождении ребенка — это всегда конфликт между интересами потенциальных родителей и детей³; если мы не можем гарантировать детям хорошего качества жизни, то стоит ли рожать детей?

Проблематичными сегодня оказываются ценности семьи, родства, родительства и детства, что связывается исследователями с множеством причин: от глобальных социокультурных изменений до «автономизации матримониального, сексуального и прокреативного поведения» [Голод С.И., 2012, с. 30] и появления вспомогательных репродуктивных технологий [Edwards J. et al., 1993; Ткач О.А., 2013; Клименко Н.С., 2020]. Семья и родство становятся сложными социальными конструктами [Ткач О.А., 2013, Тарусина Н.Н., 2020], теряющими свою былую очевидность, обосновывавшую многие повседневные практики. Возникают новые концепты, фиксирующие фрагментацию материнства и отцовства: «дисперсное род-

ство», «генетическая мать», «вынашивающая мать», «кормящая мать», «обобщенная мать» [Ткач О.А., 2013, с. 52–53]⁴. Этот же тренд поддерживает «модификация гендерной культуры» и «популяризация идеи отказа от бинарности восприятия пола в пользу многообразия гендерных форм» в западных обществах [Клименко Н.С., 2020, с. 42].

Анализ материалов исследования позволяет говорить о следующих тенденциях трансформации духовных оснований современной прокреационной сферы: смещение ценностной сферы к вопросам прав и самореализации личности [Van de Kaa D., 1996, p. 425], «деинтимизация и коммерциализация повседневных репродуктивных практик», «доминирование ценностей свободы и безопасности» [Беляева М.А., 2013, с. 11]. В прокреативный дискурс входят специфические термины, отражающие эти изменения: репродуктивное право, прокреативные предпочтения, репродуктивное насилие, репродуктивная автономия, квалифицированный пронатализм. Приоритетными в прокреативной сфере становятся вопросы не духовно-нравственного содержания, а правовые. Можно согласиться с позицией Н.Н. Емельянова с соавт., что среди различных дискурсов, переплавляющихся в дискурсе прокреации, «сегодня, пожалуй, только религиозное сознание способно устойчиво удерживать понятие предельной ценности» [Емельянов Н.Н. и др., 2011, с. 12].

Заключение

Сложный полифоничный характер повседневного прокреативного дискурса обуславливает сложность междисциплинарного диалога, построения прогнозов развития сферы прокреации и управления ее процессами. Попытка структурировать повседневный прокреативный дискурс с удержанием его многомерного и динамичного характера в данной работе осуществлена через выделение базовых мировоззренческих фреймов. Полученная модель достаточно абстрактна, требует уточнения и дальнейшей апробации, но уже имеет эвристический потенциал. Объяснительные системы фреймов (природные, социальные, экзистенци-

³ Под интересами родителей Вайнберг подразумевает возможность свободно принимать решение о возрасте, когда они готовы рожать и воспитывать ребенка, о самостоятельном выборе параметров воспитания (чему и как учить) и пр.

⁴ Следует указать, что исследования О.А. Ткач 2013 г. показали, что в России в первое десятилетие XXI века диверсификация семейных ролей и родственных связей ни в правовом поле, ни в общественном дискурсе нормой не признаются [Ткач О.А., 2013, с. 49]. Исследователь подчеркивает и проблематизирует общественный и институциональный консерватизм России [Ткач О.А., 2013, с. 65].

альные, религиозные) обеспечивают идентификацию любого процесса, события, переживания через отнесение его к каким-либо объяснительным моделям. Системы фреймов отношения (пронатальный и антинатальный) образуют асимптоты спектра отношения к процессам и событиям прокреации. Становится понятным, почему даже при одинаковой идентификации события мы можем обнаружить совершенно различные типы поведения. Выдвинуто предположение, что идея ценности детства, характерная для постфигуративных (по М. Мид) типов культур, часто связана с антинатальными фреймами отношения. Ценностно-нормативные фреймы задают оценочную идентификацию события, процесса, состояния в системе этических категорий и существующих представлений о норме. Здесь особый интерес для нас представляли те категории, которые отражают процессы трансформации ценностно-нормативного комплекса прокреации в современном мире. Сложная сопряженность фреймов индивидуальна и контекстуальна, что порождает бесконечное многообразие самовыражения в сфере прокреации при некоторой общности социокультурных прокреативных практик.

Выражение признательности

Работа проведена при поддержке РФФИ № 20-011-00609 «Прокреация: фундаментальные и прикладные аспекты социокультурных норм — язык междисциплинарного дискурса».

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-011-00609 «Procreation: fundamental and applied aspects of socio-cultural norms — the language of interdisciplinary discourse».

Список литературы

- Беляева М.А. Репродуктивная культура: тенденции развития и механизмы трансляции в современном российском обществе: автореф. дис. ... д-ра культурологии. Киров, 2013. 44 с.
- Голод С.И. Семья: прокреация, гедонизм, гомосексуализм // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 2. С. 20–38.
- Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. с англ. / под ред. Г.С. Батыгина, Л.А. Козловой; вступ. ст. Г.С. Батыгина. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 752 с.
- Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 259–336.
- Емельянов Н.Н., Забаев И.В., Павленко Е.С., Павлюткин И.В. Семья и деторождение в России. Категории родительского сознания / под ред. М.С. Ковалевой. М.: ПСТГУ, 2011. 222 с.
- Исупова О.Г., Белянин А.В., Гусарева А.А. ВРТ — современность в помощь традициям // Демоскоп Weekly. 2014. № 615–616. 20 октября – 2 ноября. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0615/demoscope615.pdf> (дата обращения: 21.07.2021).
- Клименко Н.С. Гендерные интерпретации репродуктивных стратегий в культуре современного российского общества // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 3(44). С. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-3-41-45>
- Милохова К. Живи, чтобы рожать. Четыре истории репродуктивного насилия / Клооп. 2018 6 июня. URL: <https://kloop.kg/blog/2018/06/06/zhivi-chtoby-rozhat-chetyre-istorii-reproduktivnogo-nasiliya/> (дата обращения: 13.06.2021).
- Сидорова Т.А., Сандакова Л.Б., Жичина Е.Ю. Динамика границ прокреативных норм: из опыта участия в программе ЭКО // Медицинская антропология и биоэтика. 2016. № 1(11). URL: http://www.medanthro.ru/?page_id=2698 (дата обращения: 15.07.2021).
- Тарусина Н.Н. Семья как общеправовая конструкция // Lex russica (Русский закон). 2020. № 4(161). С. 21–33. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033>
- Ткач О.А. «Наполовину родные»? Проблематизация родства и семьи в газетных публикациях о вспомогательных репродуктивных технологиях // Журнал исследований социальной политики. 2013. Т. 11, № 1. С. 49–68.
- Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах: дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2016. 539 с.
- Тубалова И.В. Специфика организации дискурсов повседневности // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 4(16). С. 41–52.
- Edwards J., Franklin S., Hirsch E., Price F., Strathern M. Technologies of Procreation: Kinship in the Age of Assisted Conception. Manchester; N.Y.: Manchester University Press, 1993. 185 p.
- Entman R. Framing: Toward clarification of a fractured paradigm // Journal of communication. 1993. Vol. 43, iss. 4. P. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>
- Strathern M. Reproducing the Future. Essays on Anthropology, Kinship and the Assisted Reproductive Technologies. Manchester: Manchester University Press, 1992. 224 p.

Van de Kaa D. The Story and Findings of Half a Century of Research into the Determinants of Fertility // *Population Studies*. 1996. Vol. 50, iss. 3. P. 389–432. DOI: <https://doi.org/10.1080/0032472031000149546>

Weinberg R. The Risk of a Lifetime: How, When, and Why Procreation may be Permissible. Oxford: Oxford University Press, 2016. 280 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-16999-6_465-1

Получена: 01.08.2021. Принята к публикации: 31.08.2021

References

Belyaeva, M.A. (2013). *Reproduktivnaya kul'tura: tendentsii razvitiya i mekhanizmy translyatsii v sovremennom rossiyskom obshchestve: avtoref. dis ... d-ra kul'turologii* [Reproductive culture: development trends and transmission mechanisms in modern Russian society: Abstract of D.Sc. dissertation]. Kirov, 44 p.

Dijk, T.A. van (1978). [Questions of pragmatics of the text]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 8: Lingvistika teksta* [New in foreign linguistics. Iss. 8: Text linguistics]. Moscow: Progress Publ., pp. 259–336.

Edwards, J., Franklin, S., Hirsch, E., Price, F. and Strathern, M. (1993). *Technologies of procreation: Kinship in the age of assisted conception*. Manchester, New York: Manchester University Press, 185 p.

Emel'yanov, N.N., Zabaev, I.V., Pavlenko, E.S. and Pavlyutkin, I.V. (2011). *Semya i detorozhdenie v Rossii. Kategorii roditel'skogo soznaniya* [Family and childbearing in Russia. Categories of parental consciousness]. Moscow: STOUH Publ., 222 p.

Entman, R. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*. Vol. 43, iss. 4, pp. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>

Goffman, E. (2003). *Analiz freymov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame analysis. An essay on the organization of experience]. Moscow: IS RAS Publ., 752 p.

Golod, S.I. (2012). [The family: procreation, hedonism, homosexuality]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 15, no. 2, pp. 20–38.

Isupova, O.G., Belyanin, A.V. and Gusareva, A.A. (2014). [ART — modernity to help traditions]. *Demoskop Weekly*. No. 615–616. Oct. 20 – Nov. 2. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0615/demoscope615.pdf> (accessed 21.07.21).

Klimenko, N.S. (2020). [Gender interpretations of reproductive strategies in the culture of modern Russian society]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Vestnik of Saint Petersburg State University of Culture]. No. 3(44), pp. 41–45. DOI: <https://doi.org/10.30725/2619-0303-2020-3-41-45>

Milochova, K. (2018). *Zhivi, chtoby rozhat'. Chetyre istorii reproduktivnogo nasiliya* [Live to give birth. Four stories of reproductive abuse]. *Kloop*. Jun. 6. Available at: <https://kloop.kg/blog/2018/06/06/zhivi-chtoby-rozhat-chetyre-istorii-reproduktivnogo-nasiliya/> (accessed 13.06.2021).

Sidorova, T.A., Sandakova, L.B. and Zhichina, E.Yu. (2016). [Dynamics of the boundaries of procreative norms: from the experience of participating in the IVF program]. *Meditinskaya antropologiya i bioetika* [Medical Anthropology and Bioethics]. No. 1(11). Available at: http://www.medanthro.ru/?page_id=2698 (accessed 15.07.2021).

Strathern, M. (1992). *Reproducing the future. Essays on anthropology, kinship and the assisted reproductive technologies*. Manchester: Manchester University Press, 224 p.

Tarusina, N.N. (2020). [Family as a general legal structure]. *Lex russica (Russkiy zakon)* [Lex russica (The Russian Law)]. No. 4(161), pp. 21–33. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2020.161.4.021-033>

Tkach, O.A. (2013). [«Half-related»? Problematisation of kinship and family in print media discussing assisted reproductive technologies]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies]. Vol. 11, no. 1, pp. 49–68.

Tubalova, I.V. (2011). [Official-business discourse as prototext environment of everyday dialectic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya* [Tomsk State University Journal of Philology]. No. 4(16), pp. 41–52.

Tubalova, I.V. (2016). *Polifonicheskiy tekst v ustnykh lichnostno-orientirovannykh diskursakh: dis. ... d-ra filol. nauk* [Polyphonic text in oral personality-oriented discourses: dissertation]. Tomsk, 539 p.

Van de Kaa, D. (1996). The story and findings of half a century of research into the determinants of fertility. *Population Studies*. Vol. 50, iss. 3, pp. 389–432. DOI: <https://doi.org/10.1080/0032472031000149546>

Weinberg, R. (2016). The risk of a lifetime: How, when, and why procreation may be permissible. Oxford: Oxford University Press, 280 p. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-16999-6_465-1

Received: 01.08.2021. Accepted: 31.08.2021

Об авторе

Сандакова Людмила Борисовна

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии

Новосибирский государственный
технический университет,
630092, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20;
e-mail: l.sandakova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0823-4157>
ResearcherID: AAP-5834-2021

About the author

Lyudmila B. Sandakova

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy

Novosibirsk State Technical University,
20, K. Marx av., Novosibirsk, 630092, Russia;
e-mail: l.sandakova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0823-4157>
ResearcherID: AAP-5834-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сандакова Л.Б. Фреймы повседневного прокреативного дискурса в современной культуре // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 342–351.

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-342-351

For citation:

Sandakova L.B. [Frames of everyday procreative discourse in modern culture]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 3, pp. 342–351 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-3-342-351